

Гу Шэн пришёл в тот день после обеда, по договорённости он должен был быть в три часа. Сун Чжао, стоя в административном кабинете на третьем этаже главного отделения банка Минвань, с нетерпением смотрел на свои дорогие западные часы, и когда минутная стрелка пробежала ещё полкруга, он начал подозревать, что слухи о том, что Гу Шэн пришёл к нему по делу, дошли до Цзян Чэна. Его шея покрылась холодным потом, и вдруг он услышал необычный шум снаружи. Сун Чжао подумал, что это конец, и поспешно встал, подошёл к столу и поднял жалюзи.

Однако внизу не было привычной процессии Цзян Чэна с лошадьми, охраной и автомобилями. Вместо этого толпились люди, девушки с короткими стрижками и юноши в белых рубашках и длинных халатах держали в руках плакаты, кто-то построил трибуну и через громкоговоритель произносил речи, создавая впечатление, что его слова находят отклик у толпы. Шум доносился именно оттуда.

Сун Чжао резко нахмурился, повернулся и нажал несколько раз на звонок на столе. Вскоре дверь открыл мужчина, похожий на командира охраны:

— Господин директор?

— Что там внизу происходит! Как я могу работать? — Сун Чжао выглядел крайне раздражённым, с отвращением махнул рукой. — Прогоните их всех!

Командир охраны выполнил приказ, но не успел уйти, как внизу раздался ещё больший шум.

Раздался грохот колёс, и юноша с громкоговорителем крикнул:

— Подъехала машина контрреволюционеров! Что мы говорили раньше? Долой милитаристов! Долой империализм! Долой старое искусство! Долой приспешников консерваторов!

Толпа подхватила крики: «Долой милитаристов!» «Долой старое искусство!» Сун Чжао почувствовал, как пот стекает по его спине, и почти сразу же бросился вниз.

Командир охраны кричал:

— Расступитесь! Полиция пришла, и мы вас всех расстреляем!

Студенты не отступали, несколько человек крепко схватили Гу Шэна за руки и вытащили его из машины, не стесняясь отвечать:

— Страна в трудном положении, а актёры не знают о новых и старых обидах, прислуживают милитаристам и поют старые песни! Наша революция должна уничтожить не только милитаристов и империализм, но и искоренить феодализм! Долой старое искусство! Скажите, я прав?

— Прав! Прав, чёрт возьми! — Сун Чжао пробирался сквозь толпу, получил удар брошюрой по голове от одного из студентов, но не мог ответить, так как был окружён людьми, и от злости у него чуть не пошёл пар из ушей. — Неблагодарные ублюдки, кто десять лет охранял мир в Цзиньчжоу? Вы, что, книги в собак кормили? Отпустите его! Ваша демонстрация нарушает конституцию! Конституцию, вы поняли?!

— Наша демонстрация нарушает конституцию? А что насчёт милитаристов Гуаньняня, которые угождают японцам, похищают женщин и детей, грабят народ за пределами концессии? Вы все...

— Это вы, когда рождались, глаза закрыли! Я вам говорю! Ли Сяохуа сама этого хотела! Гу Шэн прислуживает милитаристу Цзян Чэну, а если бы это была женщина, вы бы сказали, что это феодальные пережитки и похищение женщин? Говорите без клеветы! — Сун Чжао был мастером на словах, и если бы не хаос, он бы не оказался в таком положении, но он был полон решимости защитить Гу Шэна — если с ним что-то случится, Цзян Чэн не будет разбираться, кто тут студенты, а все шишки полетят на него.

Сун Чжао огляделся, дорога Динчжоу, где находился банк Минвань, была заполнена людьми, демонстрантами, зрителями, теми, кто просто пришёл посмотреть на шоу, все стояли на улице, и, вероятно, толпа растянулась далеко, что и объясняло опоздание Гу Шэна.

Гу Шэн выглядел неважно, пот стекал по его бледному лицу, он дрожал, словно был на грани обморока. Сун Чжао слышал слухи о том, что Цзян Чэн довёл его до смерти, и, понимая, что ситуация становится критической, решил. Он кивнул командиру охраны, и они вдвоём вытащили Гу Шэна из толпы, затащили в банк и опустили штору!

Полдня назад Цзян Чжия вызвал Цзян Чэна для важного разговора, и Цзян Чэн, несмотря на тысячу и одно беспокойство, после множества вопросов о здоровье Гу Шэна, неохотно вышел из дома. Вскоре ему передали визитную карточку от Сун Чжао.

Гу Шэн взглянул на неё, спрятал в рукав и вышел.

Это было приглашение от Шэнь Яо, выданное под именем Сун Чжао, приглашающее его в резиденцию Маолинь для сопровождения Ида Казуюки.

Резиденция Маолинь располагалась к юго-востоку от порта Цзиньчжоу, и это было первое владение местного магната, который разбогател после того, как его старую базу разгромили. По своему размаху и планировке она напоминала миниатюрную версию Запретного города.

После того как её захватили иностранцы, дальновидные магнаты индустрии развлечений превратили её в центр для расширения услуг, и за десять лет резиденция Маолинь стала самым престижным ночным клубом для высшего общества, предлагая всевозможные услуги, которые могли удовлетворить даже самых привередливых гостей, и став примером для подражания благодаря своему принципу «смелость, дикость и красота, сдержанность, приватность и стиль», объединяющему Восток и Запад. Это было место, которое обязательно посещали все, кто прибывал в порт Цзиньчжоу.

Ида Казуюки должен был провести там вечер, общаясь с другими важными лицами, играя в азартные игры и развлекаясь.

Шэнь Яо хотел использовать это для своих целей.

Сун Чжао давно хотел угодить Ида Казуюки с помощью гейш, и когда Цзян Чэн в гневе сказал, что отдаст Гу Шэна японцам, он решил использовать эту возможность, чтобы, с одной стороны, угодить японским военным, а с другой — заставить Цзян Чэна проглотить обиду, а в случае чего свалить всё на Сун Чжао.

После смерти Шэнь Вэньчана его старший сын Шэнь Яо занял его место, а его младшие братья не проявляли особых способностей, поэтому, хотя они и не угрожали его положению, они и не были полезны. Шэнь Яо, только начинавший свой путь, остро нуждался в поддержке, и сотрудничество с японцами стало его первым выбором для укрепления своей власти.

Если он получит поддержку японцев, то Цзян Чэн, как бы он ни ненавидел его и ни хотел его

уничтожить, будет вынужден считаться с их мнением.

Шэнь Яо не мог быть уверен, что убийство старого Шэнь Вэньчана было организовано Цзян Чэном. Цзян Чэн действительно был вспыльчивым и импульсивным, но убийство милитариста Гуаньнана было слишком серьёзным делом, и хотя Цзян Чэн мог направить пистолет на Шэнь Вэньчана, он вряд ли осмелился бы на такое.

Когда человек достигает такого уровня, жизнь и смерть перестают быть личным делом.

Машина Гу Шэна свернула, но направилась не к резиденции Маолинь, а к старому зданию труппы Хунсинь.

Вечером в резиденции Маолинь уже начинало оживать, чиновники из разных стран и нарядные дамы приходили и уходили, воздух был наполнен ароматами духов и смехом.

В зале слева от главного входа стояли три стола для азартных игр на 14 человек, по бокам были расставлены полукруглые кресла с бархатной обивкой, а также десяток небольших столов на 9 человек. Баккара была самой популярной игрой в резиденции Маолинь, и в зале уже собрались самые разные люди, сидевшие и стоявшие, а между ними сновали крупье.

А стриптиз был ещё одной визитной карточкой резиденции Маолинь. Ещё не стемнело, а в восточном зале уже царил атмосфера веселья, советские танцовщицы двигались под ритм барабанов, разбрасывая в зал разноцветные конфетти. Позади кто-то объявлял на смеси китайского, японского и русского языков, что скоро выйдут двенадцать девушек, ещё более красивых, чем эта. Свист, аплодисменты и звон бокалов сливались в один шум, который был слышен даже в главном зале, отделённом четырьмя или пятью игровыми залами.

Густой запах косметики витал в воздухе, дым и алкоголь заполнили пространство, разноцветный свет создавал странные тени. Ида Казуюки, с мутным взглядом после целого дня пьянства, попрощался с сопровождающими, и слуга помог ему подняться по лестнице, открыв дверь в специально подготовленную для него комнату.

В комнате горели свечи, дым благовоний поднимался в воздухе, тихо звучали песни гейш, белая гладкая нога виднелась из-под пышного кимоно, молодой человек с ярко-красными губами и бледным лицом лениво полулежал на бархатном диване.

Ида замер, его дыхание остановилось, он отмахнулся от слуги и прищурился, разглядывая юношу:

— ...Тюу гоку дзинн (китаец)?

Юноша не ответил.

[Авторское примечание: Чёрт, эта история разблокировала так много чувствительных слов, о которых я раньше не знал.]

<http://bllate.org/book/16144/1445747>